

А.В. Дмитриев

Социология юмора. Ю. Боров и интеллигентский фольклор

Совсем недавно российский читатель смог ознакомиться сразу с двумя произведениями Ю. Борева: «История государства советского в преданиях и анекдотах» (М., 1995) и «Краткий курс истории XX века в анекдотах, частушках, байках, мемуарах по чужим воспоминаниям, легендах, преданиях и т.д.» (М., 1995). Если добавить к ним предыдущие работы («Сталиниада», «Фарисея»), то, по сути дела, перед читателем предстает своеобразная энциклопедия социального опыта советской интеллигенции, так называемая энциклопедия неподцензурного устного рассказа. Безымянными авторами этих рассказов выступали кто угодно: как простые очевидцы событий, так и знаменитые политические деятели, т.е. читатель сталкивается с жанром мемуаров по чужим воспоминаниям.

Автору, президенту Академии эстетики и свободных искусств, каким-то образом чуть ли не ежегодно удается издавать по книге. По-видимому, кроме таланта — главной причины плодovitости, следует иметь в виду долгожданное обретение литературных и политических свобод, да и спрос на книжном рынке на серьезный (именно так) юмористический жанр.

Но начну свои размышления о книгах Ю. Борева с собственных, далеко не юмористических воспоминаний.

В журнал «Социологические исследования» я пришел работать в качестве главного редактора в конце 1987 г. и сразу же, как обычно говорится, столкнулся с необходимостью решать некоторые проблемы. Одна из них заключалась в ответственном секретаре редакции Валентине Попове, который, как мне тогда казалось, слишком уж по-журналистски подходил к подборке материала в номер. В начале нового года он привел в редакцию некоего Алексея Рыбина, представительного вида пожилого человека, который, как выяснилось из беседы, был личным охранником Сталина. С большим сомнением я принял к печати его материал в рубрику «Время, идеи, судьбы» под названием «Рядом с И.В. Сталиным». Последующие комментарии и письма в редакцию убедили меня в правильности принятого решения. Дело в том, что профессиональный социолог смог не только заметить апологетику Сталина, но и оценить материал в качестве «устного» документа. Наиболее взвешенным представляется мнение И.В. Бестужева-Лады, посчитавшего, что сопоставление различных документов позволяет ближе подойти и к исторической правде, и к социологической обоснованности.

Поведение Берии при последних днях жизни Сталина А.Г. Рыбин описывает следующим образом.

...Берия нагонял на врачей страх зловещим вопросом: «А вы гарантируете жизнь товарищу Сталину?» Настойчивого эскулапа, предлагающего помощь, он спросил: «Ты кто такой? Ты провокатор или бандит?»

Свою оценку книг Ю. Борева я начал с собственных воспоминаний, естественно, не случайно. Зависть к людям, бережно относящимся к памяти своих предков, навряд ли самое худшее из моих качеств. Публикации Ю. Борева в этой связи явно нельзя отказать в праве на существование в качестве серьезно-юмористического социально-исторического документа, что я и попытаюсь показать.

Главная новизна книг Юрия Борева заключается в своеобразной узаконенности слухов как особой социологической формы, так не похожей на традиционную, ставшую уже привычной для читателя литературу.

На слухи социологи и психологи привыкли смотреть с позиций оценки некоего недоработанного, неуловимого документа, который содержит в себе сведения, существующие лишь недолгое время. Но слухи все же неопределимо важны для оценки эпохи, и

процесс исследования заставляет собирать, запоминать и излагать жизненные ситуации, неожиданные случаи, услышанные анекдоты. Словом, слухи, как это ни звучит парадоксально, вообще не могут быть поняты неавторским сознанием.

В книге «История государства советского в преданиях и анекдотах» ее автор, видимо, совершенно уверенно констатирует, что в закрытом обществе слух — главная форма информации. Война слухов, по сути дела, представляет собой довольно важную часть общественной жизни.

Имея своей оппозицией письменные (официальные) источники, устная, зачастую с юмористической окраской, речь не менее достоверно передает те или иные факты, столь необходимые для серьезного исследователя. Именно поэтому автор дает образец совершенно иного, но все же документа — вот постулат, на фоне которого многое становится понятным при чтении книги.

Разумеется, наличие определенного опыта у любого исследователя-гуманитария исключает на первый взгляд возможность признания надежной достоверности этого вида документа. Но лишь до того момента, когда слухи становятся письменным источником, т.е. предстают во вполне оформленном и официальном виде. Переход «слух» — «письменный источник» в общем-то не нов в русской социальной мысли. Что касается политически «чистого» слуха, то Ю. Борев, кажется, стал своеобразным архивистом (см.: «Сталиниада», «Фарисея» и др.), собирая и обрабатывая так называемый интеллигентский фольклор. Дополнительным источником ему послужили и малоизвестные в годы советской власти печатные тексты, которые при устном пересказе несколько меняли свое содержание. Понимая всю неопределенность понятия «слухи», автор обратил внимание на короткие остроумные рассказы-анекдоты, политические реплики и необычные высказывания отдельных актеров тогдашнего политического театра. При этом возникла проблема типологизации столь разнообразного материала. Положенный в основу книги исторический подход, естественно, в какой-то степени может удовлетворить лишь представителя определенной специальности. С точки зрения социолога все же наибольший интерес представляет группировка по социальной ориентации участников коммуникационного процесса. В его работах, как мне представляется, противостоят, или вернее, взаимодействуют две основные социально-профессиональные группы: интеллигенция

и политические функционеры. Это означает, что посредством устной речи не просто «движется информация» внутри одной социальной группы, но противостоящие участники стремятся переориентировать друг друга, т.е. достичь определенного изменения восприятия и поведения. При этом межгрупповые взаимодействия дополняются внутригрупповыми. Исследователи находят две разные задачи в ориентации друг друга. А.А. Леонтьев и Г.М. Андреева обозначают их соответственно, как личностно-речевую и социально-речевую ориентации, что отражает не столько различие адресатов сообщения, сколько преимущественную тематику, содержание коммуникации.

Так внутригрупповая ориентация политиков отличается заметной агрессивностью и отсутствием сколь-либо значительных культурных стандартов, сопровождается чрезвычайно высокой самооценкой.

Ленин говорил: «В партии только три настоящих коммуниста: Ульянов, Ленин и я».

Арестованного Каменева привели на допрос к Сталину.

— Почему вы, еврей, взяли русскую фамилию и стали Каменевым?

— Я как еврей отвечу вопросом на вопрос: почему русский Скрябин взял псевдоним Молотов, Бельтов — Плеханов, Ульянов — Ленин, а грузин Джугашвили стал Сталиным?

Тот же (внутригрупповой) тип ориентации среди профессиональных литераторов, физиков, философов, художников и других «вольных» специалистов, хотя и менее агрессивен, все же несет печать эпохи.

Илья Эренбург говорил: «Современные молодые поэты напоминают мне немецких девушек, которые зарабатывают себе на приданное проституцией».

Тот же Эренбург рассказывал, как Мейерхольд хотел его арестовать за недостаточно идейное понимание искусства.

При межгрупповых ориентациях «интеллигенция — власть», «власть — интеллигенция» отношения выглядят более опосредованно. Внутри интеллигенции, как, впрочем, внутри других социальных групп, слух никогда не приходит через знакомых лиц. Если же он сообщается близким другом, родственником,

сослуживцем, то определенное доверие будет обеспечено. Поскольку истинно именно то, что группа считает истинным. Люди немедленно повторяют то, что узнали, и будущее слуха зависит от их дальнейшей реакции: живучесть слухов о бесчестности политиков зависит от степени постоянства негативного отношения к ним.

— На вопрос анкеты об образовании Ежов отвечал:
«Незаконченное низшее».

— Демократы отобрали у коммунистов все привилегии и
взяли себе.

Итак, несмотря на чисто историческое расположение материала, автор книги явно социологичен. Исследование юмористически окрашенных политических слухов, циркулирующих в обществе с начала XX века, оказывается уникальным социологическим источником. И вряд ли целесообразно изучать только официальную информацию, поскольку слухи — голос социальной группы, в данном случае интеллигенции. Иногда он усиленно соперничает со средствами массовой информации. И в тоталитарном обществе ему особенно доверяют. Именно поэтому Ю. Боров — один из первых, кто практически открыл для социологов этот важный систематизированный источник формируемых знаний.

Сам автор, однако, допустил, на мой взгляд, непростительную ошибку, определив совокупность исторических анекдотов, преданий и устных мемуаров как источник исключительно эстетического наслаждения и, значит, объект будущего изучения и филологической, и исторической науки. Во всяком случае, риск вызвать серьезные возражения со стороны философов, социологов и юристов здесь несомненен. Предположим, что философы, шокированные напоминанием их собственной непростой истории, промолчат. Но каково юристам? Где же статьи Уголовного кодекса, квалифицирующие слухи в качестве преступления?

— За что сидишь?

— За болтливость: рассказывал анекдоты. А ты?

— За лень. Услышал анекдот и думаю: завтра сообщу, а товарищ не поленился.

Что касается рассказов из жизни самого социологического сообщества, то она вообще осталась без внимания автора. А она

чрезвычайно многообразна и богата. Еще несколько лет назад в редакцию журнала пришел автор с объемной тетрадкой, полной предложениями в адрес социологов. Так анализ документов характеризуется следующим образом: «Поскольку любая бумага у нас “документ”, социологический анализ документов в наших условиях точнее было бы именовать социологическим анализом бумаг». Собранные автором слухи подаются так: «В МГУ считают, что в ИСАНе занимаются профанацией социологии, в ИСАНе — что во ВЦИОМе, в Москве — что в Ленинграде, в Ленинграде — что в Минске и т.д. И наоборот». Мой коллега Э. Фетисов также постоянно приносит профессиональные «хохмы». Однажды, увидев на рабочем столе приглашение на встречу ленинградских социологов, он спросил: «Как долго они будут так стоять враскоряку?» (На бланке приглашения значилась тема встречи «Санкт-Петербургская школа: между прошлым и будущим»).

И все же наибольшие критические возражения по поводу книги можно ожидать от профессиональных историков, особенно тех, кто занят поисками источников в архивах и библиотеках. Документированная история всегда представляется читателю ценной, важной, а главное истинной. Но это совсем не бесспорное видение истории со стороны науки и научной достоверности. Ю. Боров доказывает это, вводя в оборот чисто ментальный элемент в изучении российской истории XX века. Сам автор называет интеллигентский фольклор средством самопознания общества, приведенного в соответствие политической обстановке устной культурно-исторической формой воплощения социального опыта.

Согласно Ю. Борову, в основе устного рассказа лежит исторический факт, причем степень соответствия правды и вымысла представляется неодинаковой. В одном случае он отражает реальность, в другом — абберация в ходе неоднократной передачи приводит к большой разнице между фактом и его трактовкой. Но поскольку устный рассказ (анекдот, воспоминания, предания и т.д.) принадлежит художественному, а не историческому жанру, то отступая от факта, он приближается к его сути.

— Сталин посмотрел «Отелло». Руководство театра спросило его мнение. Он подумал и сказал: «А этот — как его? — Яго — неплохой организатор».

В доказательство своего утверждения Ю. Боров ссылается на слова Норберта Винера, считавшего, что сообщение о вероятном

информативно насыщеннее сообщения о случившемся. Так, например, в книге приводятся сведения о том, что после войны между Шолоховым и Эренбургом на национальной почве возникли напряженные отношения. Сталин считал необходимым вмешаться:

— Ваши евреи проявили трусость во время войны, а ваши казаки — антисоветские настроения и еще в гражданскую войну боролись с советской властью.

Взаимная неприязнь между писателями усилилась.

В этой короткой заметке, не подтвержденной каким-либо письменным источником, тем не менее достоверность факта чрезвычайно велика. Этот вероятный разговор свидетельствует об историческом факте — нравах, царивших в писательской среде, и о неприязни Сталиным интеллигенции.

Значение ментальности истории, подчеркнутой Ю. Боровым, можно сравнить с аналогичными явлениями в литературе, подчеркнутыми М.М. Бахтиным. Согласно взглядам этого философа, вторичные речевые жанры (роман, например) впитывают в себя то, что сложилось в условиях непосредственного речевого общения (бытовой рассказ, анекдот и др.). «Ведь язык входит в жизнь через конкретные высказывания (реализующие его), через конкретные же высказывания и жизнь входит в язык». Подлинный автор по Бахтину — тот, кто восстанавливает первичное речевое авторство в культуре за счет вторичного и искусственного собственно писательского авторства, тот, кто раздаёт голоса их настоящим первоавторам, возвращая высказываниям их изначально коллективный характер. Если для Р. Барта при сравнении уровней речь идет о разрушении последнего голоса — голоса писателя-автора, о стирании последнего имени — его имени, то для М. Бахтина это прежде всего растворение вторичного авторства в реальном первичном (М. Рыклин). Ю. Боров в свете этих представлений избегает крайностей, он усиливает официальные источники за счет максимальной широкой представленности именно неофициальности.

— На могиле Канта во взятом с боем Кенигсберге красовались две надписи на русском языке. Одна предостерегающая: «Осторожно: памятник культуры». Другая злорадная: «Ну что, теперь ты понял, что мир познаваем?».

Не знаю, специально ли Ю. Боров упомянул Канта, но идея приоритета критического разума перед «чистым» здесь чрезвы-

чайно важна, поскольку под сомнение ставится официальная (так называемая истинная) история. Приведу размышления на этот счет М. Рожановского, специалиста в области философии истории. Последний считает, что сама человеческая потребность знать о мире приняла в европейской культуре форму такого познания, для которого историческая истина — самоцель. В нашей стране это выразилось в приведении порядка вещей в соответствие с порядком идей. «В таком логически последовательном варианте, — пишет он, — истина уже не подлежит познанию, а становится синонимом небольшого набора идеологических символов. Чистый разум становится разумом идеологическим, абсолютно оторванным от разума практического».

К месту будет вспомнить еще одно событие, описанное Ю. Боровым:

— Сталин встречался с авторским коллективом, работавшим над его жизнеописанием. «Я прочитал подготовленную вами рукопись, — сказал он. — Думаю, что вы, товарищи, допустили здесь ошибки эсеровского толка». Члены авторского коллектива побледнели, а Сталин продолжал: «У вас получается, что в стране все решается и делается одним Сталиным. Но раз уж книга написана, не будем ее переделывать. Возьмите рукопись, я сделал в ней некоторые поправки».

«Сталин — ведущая сила партии и государства!» — так звучала одна из этих поправок.

«Устная юмористическая история», разработанная Ю. Боровым, есть, по сути дела, история памяти. Автор не обрабатывает материал «научными» методами, а просто аранжирует его. Целостность, художественность, философичность истории при этом поднимается на высоту, кажется, не всегда доступную профессионалу-историку. Неясности и неточности, сопутствующие такому изложению, несравнимы с полнотой и глубиной проникновения в жизнь, отражения уникальности каждого человека.

